

УДК 316

Юшина Светлана Владимировна

кандидат философских наук, доцент кафедры истории и культурологии,
Донской государственной технической университет
yushinasv@mail.ru

Брусенцева Дарья Михайловна

аспирант по направлению социологические науки кафедры региональной
социологии и моделирования социальных процессов,
Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет
bru.dasha@yandex.ru

Svetlana V. Yushina

Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of History and
Cultural Studies, Don State Technical University
yushinasv@mail.ru

Darya M. Brusentseva

Graduate student in Sociology, Department of Regional Sociology and Social
Process Modeling Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern federal university
bru.dasha@yandex.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ПРАКТИК В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПОЛЕЙ

INTERPRETATION OF THE PROBLEM OF TERRORIST PRACTICES IN THE CONTEXT OF THE THEORY OF SOCIAL FIELDS

***Аннотация.** Целью данной статьи является истолкование проблемы террористических практик в контексте теории социальных полей П. Бурдьё. Авторы статьи приходят к выводу о том, что изучение деятельности адептов терроризма через призму террористических практик представляет собой взаимосвязь теоретических и практических исследований действий этих адептов в рамках тех или иных организаций террористического толка, действующих в пространстве социальных полей.*

***Ключевые слова:** терроризм, террористические практики, теория социальных полей, социальные практики, социальное пространство, адепты терроризма.*

***Abstract.** The purpose of this article is to interpret the problem of terrorist practices in the context of the theory of social fields P. Bourdieu. The authors of the article conclude that the study of the activities of adherents of terrorism through the prism of terrorist practices is the interconnection of theoretical and practical studies of the actions of these adherents within the framework of various terrorist organizations operating in the space of social fields.*

***Key words:** terrorism, terrorist practices, the theory of social fields, social practices, social space, adherents of terrorism.*

На протяжении последних лет обсуждение проблемы терроризма в научных социально-политических, социально-философских и политико-правовых исследованиях привело к постановке вопроса о том, насколько это многогранное явление [1], проявляющее себя в разнообразных террористических практиках, может укладываться в рамки интерпретации одной, отдельно взятой теории или научно-методологического подхода. Как подчеркивает В.И. Долгий, всевозможные попытки «прийти к какому-то одному, даже исчерпывающему истолкованию, не только не имеют успеха, но и порождают все возрастающие вызовы» [2, С. 209].

Целью данной статьи является истолкование проблемы террористических практик в контексте теории социальных полей П. Бурдьё, поскольку возможности для интерпретации данной проблемы, заложенные в теории социальных полей [3] и рефлексивного подхода в социологии остаются пока вне поля зрения большинства современных исследователей проблем терроризма. Между тем, методологические основания теории социальных полей выявляют широкие возможности для идентификации и интерпретации соответствующих социальных явлений, процессов и социальных практик, в том числе и практик террористического толка, связанных с формированием террористических установок в молодежной среде [4].

В силу того, что террористические практики отражают социальные практики отдельно взятой группы индивидов (т.н. адептов терроризма) с террористическими установками и мировоззрениями, вначале необходимо определиться с понятием «социальные практики» как инструментом социологического теоретизирования.

Надо сказать, что теорию социальных практик в социологии развивали П. Бурдьё, Э. Гидденс, И. Гофман, Т. Лукман, Т. Парсонс и др.

В рамках статьи для нас наибольший интерес представляет позиция французского социолога П. Бурдьё, рассматривавшего социальные практики как некую способность субъектов соотносить и проверять свои поведенческие акты на соответствие сложившимся представлениям об окружающем социальном пространстве. Данные практики «определяют образ мыслей и поведения в соответствии с индикаторами доступного и недоступного, того, что «для нас» и «не для нас», тем самым заставляя социальных субъектов приспосабливаться к настоящему и будущему» [5]. Причем социальной практикой можно считать как привычные действия индивидов, так и действия, направленные на преобразование мира (в том числе и действия деструктивного преобразовательного характера). В понимании П. Бурдьё, социальные практики имеют амбивалентную природу: с одной стороны, они детерминируются социальным пространством, а с другой – воздействуют на это социальное пространство, изменяя его структуру и даже внося разрушение и деструктивные практики в рамках многомерного пространства [6]. В соответствии с точкой зрения П. Бурдьё, социальный мир можно изобразить в форме «многомерного пространства,

построенного по принципам дифференциации и распределения, сформированным совокупностью действующих свойств в рассматриваемом социальном универсуме, то есть свойств, способных придавать его владельцу силу и власть в этом универсуме. Агенты и группы агентов определяются, таким образом, по их относительным позициям в этом пространстве» [3; 7, С. 49].

Мы солидаризируемся с мнением В.И. Долгого, который подчеркивает, что анализ теории социальных полей «позволяет предположить, что наиболее предметный взгляд на дискретные реалии, к числу которых относится и терроризм» [8] как агент формирования террористических установок и практик.

Данное обстоятельство отмечается у П. Бурдьё, который утверждает, что нарастающее в информационном обществе влияние медиаиндустрии на контроль над разнообразными информационными потоками увеличивает неравенство в обществе [3], тем самым способствует возникновению деструктивных установок и формированию практик деструктивного характера.

Прилагая означенные П. Бурдьё принципы к террористической тематике и формированию террористических практик, можно констатировать, что любые свойства адептов терроризма и окружающего их социального пространства, будь то способность к действию в условиях подполья, посредством медиа-каналов и медиапродукции или полномочия реализовывать агрессивные репрессии и экстремистско-террористические акты, предопределены различными видами власти и капиталов. Последние, в свою очередь, имеют возможность хождения в различных полях медиапространства как современной доминанте социального пространства информационного общества [9]. А так как капитал может существовать не только в объективированном, материальном состоянии, но и в состоянии инкорпорированном, включенном в информационное пространство, его накопление и реализация, согласно П. Бурдьё, означает фактический доступ к власти в целом и к возможности действовать, в частности.

В теорию социальных полей вписывается и доктрина исламского экстремизма и связанные с ней террористические практики. Анализ затронутой в нашем исследовании проблемы показывает, что идеологи, придерживающиеся направления исламского экстремизма и терроризма ставят перед собой цель – достижение доминирования во всех возможных полях социального пространства, а по возможности и совмещение его с максимально возможным объемом пространства физического, социального т.е. распространение и установление радикального ислама повсеместно [10]. В практическом измерении эти устремления выражаются в декларациях о необходимости максимального расширения (во всех смысловых значениях этого слова). В частности, Дар аль-Ислама, Мира Ислама, символизирующего собой «единственно возможное гармоничное и справедливое устройство» общественной жизни и противопоставляется Дар аль-Харбу, Миру Войны. Причем последний, соответственно, - есть его

губительная противоположность, а оппозиция двух «Миров» остается незыблемой и может исчерпать себя только с устранением одного из них [8].

Подобная логика четко прослеживается и в призывах ряда лидеров-фундаменталистов с радикалистскими установками, включая пионера-основателя «Братьев-мусульман» шейха Хасана аль Банна, на которого ссылается в своей работе «Священный террор. Внутри мира исламского терроризма» зарубежный исследователь терроризма А. Тахери: «в природе ислама доминировать, а не быть подчиненным, устанавливать свои законы для всех народов и простирает свою власть на всю планету» [11, С. 24].

Применительно к исламским террористическим воззрениям, террористические практики адептов терроризма определяются «единственно правильной религией» [12] и последовательным воплощением в жизнь вполне простых и понятных идеалов, заповедованных пророком. И в этой связи названный выше автор, замечает: «Нынешние исламские фундаменталисты видят себя в том же положении, что и Муххамед, перед тем, как он покинул Мекку и направился в Медину. Правление Мекки рассматривалось как сатанистское и незаконное, и те, кто поддерживал его, издевался над пророком и даже бросал в него камни... И так как каждый мусульманин должен строить свою жизнь подобно тому, как жил пророк и подражать его деяниям, он обязан отторгнуть себя от социальной и политической системы, заявляющей о себе как о неисламской» [11, С. 75].

Связанные с террористическими практиками исламские доктрины вполне явственно выделяют те позиции, которые агенты могут занимать в социальных полях, определяют их габитус (по определению, введенному П. Бурдьё). Доминирующим началом социального пространства в культивировании террористических практик можно считать создание и укрепление исламского государства, как правило, в виде теократической монархии (Саудовская Аравия и система эмиратов) или теократии как таковой (власти священнослужителей, как в случае с Ираном).

Фактически агенты, действующие в системе социальных полей, образующих Дар-аль-Ислам, формируют (разумеется, с определенной долей условности), три группы:

- жреческо-пастырское сословие, которое распоряжается социокультурным и информационным капиталом;
- светские правители, в ведение которых входят ресурсы общественно-политического, правового и военного влияния;
- собственно общая масса правоверных, усилиями которых достигается распределение позиций в указанных социальных полях [8].

В сущности, согласно теории социальных полей, террористические практики предстают как определенные попытки конвертировать символический культурный капитал в капитал политический, воплотить за счет применения силовой составляющих террористических практик отдельно взятые дискурсивные ожидания в институциональные преобразования.

В целом, появление террористических практик, связанных с исламизмом, в том числе, связано с существующей диспропорцией в

концентрации капитала в культурно-информационном и социально-политическом полях, а точнее – с дефицитом такового в последнем поле. Вынесенная из границ исламского государства, эта схема, вытекающая из теории пространства социальных полей, отчетливо проецируется и на структуру террористических организаций, в которых:

первая группа агентов (адептов) выполняет идеологические и пропагандистские функции; вторая, опирающаяся на выдвигаемые постулаты и догмы, занимается планированием текущей оперативной деятельности; функцией третьей является изучение психологии потенциальных жертв и вербовка новых членов в пространство террористических организаций; четвертая выступает в роли исполнителей и пособников.

Таким образом, теория социальных полей П. Бурдьё дает объяснение генезису и развитию террористических практик, связанных с националистическим дискурсом.

Реальность угрозы терроризма в социальном пространстве предстает как сплетение террористических практик адептов террористической идеологии в рамках пространства социальных полей. Совокупность таких практик позволяет исследователям представить социальную картину угрозы терроризма обществу (социальному пространству) в целом. Изучение деятельности адептов терроризма через призму террористических практик представляет собой взаимосвязь теоретических и практических исследований действий этих адептов в рамках тех или иных организаций террористического толка, действующих в пространстве социальных полей.

Литература:

1. Брусенцева Д.М., Гафиатулина Н.Х. *Модель противодействия освещению деятельности террористической организации в медиaprостранстве. Ростов н/Д., 2018.*
2. Долгий В.И. *Сравнительный анализ социологических подходов к изучению терроризма // Вестник МГИМО Ун-та, 2011. С. 209-214.*
3. П. Бурдьё *Социология политики [Электронный ресурс].* <http://www.gumer.info/bibliotek/Vuks/Sociolog/Burd/index.php>
4. Гафиатулина Н.Х., Брусенцева Д.М. *Медийное пространство как источник активности террористической организации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. №6-7. С. 38-40.*
5. Шугальский С.С. *Социальные практики: интерпретация понятия // Знание. Понимание. Умение. 2012. №2. С. 276-280.*
6. Бурдьё П. *Начала. Choses dites / пер. с фр. Н.А. Шматко. М., Socio-Logos. 1994.*
7. Бурдьё П. *Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.*
8. Долгий В.И. *Особенности рефлексивного подхода к интерпретации проблемы терроризма // Социальная политика и социология. М., 2008. №2 (38). С. 244.*
9. Брусенцева Д.М., Гафиатулина Н.Х. *Формирование современным медиaprостранством террористических установок в молодежной среде //*

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2019. №1. С. 193-198.

10. Юшина С.В. Исторический аспект сирийского кризиса как одного из источников и причин террористической активности в современном мире // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2016. № 4 (192). С. 51-55.

11. Taheri A. *Holy Terror. Inside the World of Islamic Terrorism.*- Adler and Adler. Publisyers. 1987. P. 24.

12. Юшина С.В. Политическая теология как одно из явлений современной исламской концепции власти // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2015. № 4 (188). С. 18-21.

Literature:

1. Brusentseva D.M., Gafiatulin N.Kh. *A model for countering the coverage of a terrorist organization in the media.* Rostov n / D., 2018.

2. Dolgiy V.I. *A comparative analysis of sociological approaches to the study of terrorism* // Vestnik MGIMO Un-ta, 2011. P. 209-214.

3. P. Bourdieu *Sociology of Politics* [Electronic resource]. <http://www.gumer.info/bibliotek/Buks/Sociolog/Burd/index.php>

4. Gafiatulina N.Kh., Brusentseva D.M. *Media space as a source of activity of a terrorist organization* // *Humanitarian, socio-economic and social sciences.* 2017. No. 6-7. S. 38-40.

5. Shugalsky S.S. *Social practices: interpretation of the concept* // *Knowledge. Understanding. Skill.* 2012. No2. S. 276-280.

6. Bourdieu P. *Beginning. Choses dites / trans. with fr. ON THE.* Shmatko. M., Socio-Logos. 1994.

7. Bourdieu P. *Social space: fields and practices.* M.: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aletheia, 2005.

8. Dolgiy V.I. *Features of the reflective approach to the interpretation of the problem of terrorism* // *Social policy and sociology.* M., 2008. No. 2 (38). S. 244.

9. Brusentseva D.M., Gafiatulina N.Kh. *The formation of modern media space of terrorist installations in the youth environment* // *State and municipal administration. Scholarly notes of SKAGS.* 2019. №1. S. 193-198.

10. Yushina S.V. *The historical aspect of the Syrian crisis as one of the sources and causes of terrorist activity in the modern world* // *News of higher educational institutions. North Caucasus region. Social Sciences.* 2016. No. 4 (192). S. 51-55.

11. Taheri A. *Holy Terror. Inside the World of Islamic Terrorism.*- Adler and Adler. Publisyers. 1987.P. 24.

12. Yushina S.V. *Political theology as one of the phenomena of the modern Islamic concept of power* // *News of higher educational institutions. North Caucasus region. Social Sciences.* 2015. No. 4 (188). S. 18-21.